

— Ваша старшая наставница весьма интересная личность, — заметила Нань Чуцин. На самом деле она не считала Чжао Цзянсюэ такой уж интересной, просто манера рассказывать истории, присущая той, её забавляла.

Чжао Цзянсюэ довольно хмыкнула.

Пообедав, они расплатились. Когда Нань Чуцин достала деньги, к Чжао Цзянсюэ подошел какой-то человек и попросил её вичат, но та привычно отказала. Нань Чуцин наблюдала за ней, и ей показалось, что эта сцена для неё так же привычна, как и оплата счетов.

И действительно, сейчас Чжао Цзянсюэ уже не испытывала никакого психологического дискомфорта из-за того, что Нань Чуцин платит за неё.

Поначалу она очень стеснялась, что постоянно вынуждает ту тратиться. Но однажды, заметив у Нань Чуцин на запястье изящный тонкий браслет, она захотела такой же и решила поискать его в интернете. Боже мой, цена на эту крохотную вещицу оказалась выше её годовой зарплаты!

С тех пор всякое смущение исчезло. Подумать только: один их совместный обед, возможно, стоил меньше, чем электричество в доме Нань Чуцин за одни сутки.

Нань Чуцин тоже была рада платить. Она знала, что Чжао Цзянсюэ бедна, и не хотела выстраивать между ними странные товарно-денежные отношения — в конце концов, у неё были деньги, и немалые.

Если это помогало им стать подругами, она с радостью брала расходы на себя. Однако она не хотела, чтобы Чжао Цзянсюэ чувствовала жалость. Поэтому однажды она прямо объяснила:

— Я твой работодатель. Когда ты выходишь со мной, это считается работой, так что не переживай о деньгах.

Нань Чуцин ещё раздумывала, не слишком ли грубо прозвучали её слова, как вдруг глаза Чжао Цзянсюэ засияли. Она энергично закивала, и по её лицу было видно, как она счастлива.

Когда они вышли из ресторанчика, порыв ветра заставил Чжао Цзянсюэ вздрогнуть от холода. Нань Чуцин хотела было отдать ей свою куртку, но та юркнула к машине и открыла для неё дверцу.

Нань Чуцин нахмурилась, глядя, как Чжао Цзянсюэ пританцовывает на месте, пытаясь согреться, и поспешила к ней.

На самом деле, на улице было не так уж холодно. Но за едой Чжао Цзянсюэ немного вспотела, и на ветру её тут же пробрало до костей.

Закрыв за Нань Чуцин дверь, она обошла машину, чтобы сесть за руль. В этот момент её взгляд случайно упал на зеркало заднего вида, и она замерла на несколько секунд.

В зеркале отражался черный Мерседес. Владельца не было видно, но эту машину они уже встречали, когда выезжали от виллы. Тогда она специально посмотрела в зеркало и заметила, что та машина припарковалась ровно на том месте, где стояли они.

Чжао Цзянсюэ села в салон, пристегнулась, включила печку и стала действовать как обычно, но взгляд её был прикован к зеркалу.

Рядом с этим местом не было других заведений, кроме их ресторанчика. Машина стояла позади них, но пока они ели, никто к ней не подходил.

Возможно, она накручивает себя, но ситуация казалась странной. Она подождала еще немного, желая увидеть, кто же хозяин авто. Прошло три минуты, но никто так и не появился.

— Что случилось? — спросила Нань Чуцин.

— Ничего, — Чжао Цзянсюэ отогнала тревожные мысли и завела мотор.

Она не знала, что стоило им отъехать, как из соседнего переулка вышел человек. Он выглядел так, будто долго ждал: в черной куртке и бейсболке, с помрачневшим красивым лицом, он смотрел им вслед, нахмутив брови.

В октябре и ноябре, чем ближе к Новому году, тем больше становилось работы. Чтобы получить премию побольше, все трудились не покладая рук, и компания погрузилась в безумный ритм сверхурочных. Нань Чуцин была занята до предела — даже на пятничные свидания вслепую она ходила для галочки и ленилась поддерживать разговор. Несколько раз она даже отправляла Чжао Цзянсюэ вместо себя, чтобы та вежливо отказала кавалерам.

Когда наконец начались праздники, Чжао Цзянсюэ собрала вещи, попрощалась с Нань Чуцин и села на автобус до родного городка Гуансинь. Это было глухое местечко, и добираться туда пришлось целых шесть часов.

Она выехала рано утром, а прибыла только после полудня. На выходе из автобуса её уже ждали Наставник и младший брат Юю. У Юю как раз были зимние каникулы, и он так долго упрашивал Наставника взять его с собой, что в итоге выбил право встретить сестру.

Они были в даосских халатах и выглядели весьма приметно — Чжао Цзянсюэ сразу их заметила. Она помахала им рукой и побежала навстречу. Наставник и Юю даже не смотрели на неё, зато грозно сверкали глазами на каждого прохожего, который задерживал на ней взгляд.

У Чжао Цзянсюэ почти не было багажа, только рюкзак с парой смен одежды. Юю привычно подхватил его, и они втроем двинулись в путь.

Фамилия Наставника была Лян, и все в деревне звали его Мастер Лян. Дети в даосском храме даже не знали его настоящего имени или монашеского титула — Старшая наставница знала, но Наставник запрещал рассказывать. Дети звали его просто Наставником, а некоторые — папой, и он откликался на любое обращение.

Старый мотоцикл Наставника стоял у дороги. Чжао Цзянсюэ почувствовала тепло при одном взгляде на него — раньше Наставник часто приезжал на нем встречать её на вокзал. Все трое надели шлемы. Мастер Лян несколько раз дернул кикстартер, прежде чем мотор завелся, и Чжао Цзянсюэ пообещала:

— Наставник, как только заработаю много денег, куплю вам новый транспорт.

Мастер Лян промолчал, лишь хмыкнул.

Он был немногословен, но дети, которых он воспитал, в основном оказались болтунами. Юю был именно таким: пока Наставник вел мотоцикл, он без умолку засыпал его вопросами. Чжао Цзянсюэ не чувствовала раздражения и терпеливо отвечала на всё, о чем бы он ни спросил.

Через два часа они добрались до подножия горы. Им пришлось спешиться и толкать мотоцикл в гору вместе. Дорога была крутой и грунтовой — в одиночку заехать можно, но с пассажирами — нет.

Воздух в горах был свежим и холодным. Зимой листва облетела, покрыв землю толстым слоем прелой листвы, а трава пожелтела и выглядела как борода девяностолетнего старика. Горный ветер холодил лицо, но от усилий при подъеме им не было жарко. Чжао Цзянсюэ посмотрела на Наставника — даже его редкие усики покрылись испариной.

Когда показался храм, навстречу выбежала толпа детишек с криками: Старшая сестра вернулась! Чжао Цзянсюэ вдруг стало неловко — надо было привезти им каких-нибудь сладостей. Она подхватила на руки самого маленького, Гоуцзай, и спросила Наставника:

— Наставник, когда операция у Гоуцзай?

Мальчика, страдавшего от врожденного порока сердца, кто-то подбросил, и Наставник его приютил.

— В мае.

— Наставник, вы как всегда, скупы на слова, — подшутил Юю.

Мастер Лян одарил его испепеляющим взглядом.

Чжао Цзянсюэ позвала всех возвращаться в храм. Старшая наставница ждала их у порога и, как только Чжао Цзянсюэ приблизилась, спросила:

— Опять одна вернулась?

Чжао Цзянсюэ закатила глаза. Наставница рассмеялась, забрала у неё Гоуцзай и принялась загонять всех внутрь, словно стадо утят.

Чжао Цзянсюэ помогала ей. Она была первым ребенком, которого взял на воспитание Мастер Лян, и сейчас — самой старшей. Был еще Ушэн, её ровесник, но он погиб при исполнении служебных обязанностей. Остальные дети учились в школе: как бы ни был беден храм, Наставник всегда находил возможность дать им образование.

На зимние каникулы все собрались дома, и в храме стало шумно. Чжао Цзянсюэ была старшей сестрой, она нянчила почти всех детей, поэтому её возвращение сделало атмосферу еще оживленнее. На ужин лепили пельмени — вся семья собралась вместе, и вскоре на столе выросла целая гора. Никто не ожидал, что еды не хватит: растущие дети поглощали десятки штук за раз.

Спать разошлись по комнатам: мальчики отдельно, девочки отдельно. В половине девятого все легли, и к девяти уже спали. Чжао Цзянсюэ лежала на кровати, рядом с ней сопела Старшая наставница, с другой стороны прижался шестилетний Дахуа. Вокруг слышалось ровное дыхание, и на душе вдруг стало тоскливо.

В это время обычно она всё еще работала.

Не желая думать о делах, она закрыла глаза. Холод от земляного пола просачивался сквозь тонкое одеяло, и она внезапно ощутила, насколько жесткая доска под ней. Жесткая и холодная — только сейчас она заметила, что постель была застелена лишь тонким одеялом.

Одеяло, которым она укрывалась, прослужило уже много лет. В кровати было так холодно, что уснуть не получалось. Сердце Чжао Цзянсюэ кольнуло от боли: она впервые осознала, как мало зарабатывает. Храм держался только на них троих — ней, Наставнике и Старшей наставнице, — и им приходилось очень нелегко.

На следующее утро в пять часов Старшая наставница уже встала. Старшие дети тоже поднялись. Чжао Цзянсюэ хотела было встать следом, но наставница прижала её обратно к кровати и прошептала:

— Спи еще, младшие справятся.

Чжао Цзянсюэ довольно хмыкнула, обняла теплого Дахуа и снова уснула. Когда она проснулась, было уже семь тридцать. Все дети были на ногах и тренировались во дворе. Протирая глаза, Чжао Цзянсюэ вышла на улицу и, глядя на их юные лица, не удержалась от шуток:

— Как же хорошо, что вы еще можете тренироваться. Вот станете офисными рабами, совсем двигаться перестанете.

Старшая наставница стояла неподалеку, поманила её рукой, а когда та подошла — отправила умываться.

В восемь все собрались в столовой на завтрак. Чжао Цзянсюэ жевала большой паровой пирожок и спросила:

— А где Наставник?

— Ушел в город за праздничными покупками, — ответила наставница.

— Наставница, вы в этом году не поедете в свой храм? — Чжао Цзянсюэ наелась одним пирожком.

Наставница вложила ей в руку второй:

— Если я уеду, как вы, оболтусы, тут выживете? Оставить вас на этого старика? Я не могу быть спокойна.

После завтрака наставница принялась раздавать поручения. Чжао Цзянсюэ стояла рядом, пользуясь её авторитетом, и они болтали о том о сём.

Старшая наставница, в отличие от Мастера Ляна, была болтушкой. Стоило Чжао Цзянсюэ задержаться рядом, как та начинала выпытывать подробности её личной жизни, и ей приходилось спасаться бегством.

Дни в храме пролетали насыщенно и безмятежно. Здесь она была главной, никто не смел ей перечить, а Наставник и Старшая наставница души в ней не чаяли.

За три дня до Нового года храм, отремонтированный и сияющий, открыл свои двери для прихожан. С этого момента и до пятнадцатого дня нового года наступала самая горячая пора — время наибольшего дохода. Поток верующих, желающих возжечь благовония, погадать или купить талисман, не иссякал. Наставница и Наставник задействовали всех, кто мог помочь, но поток людей был таким, что огоньки благовоний в храме не гасли ни на минуту, и всем приходилось работать посменно.

В самый разгар работы Чжао Цзянсюэ даже не успевала потереть обожженные воском пальцы. И пока она трудилась в поте лица, Нань Чуцин, напротив, изнывала от скуки — она вернулась домой только в канун праздника.